

Т. Н. Николаева, Л. М. Готовцева

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ГЕНДЕРНОЙ МАРКИРОВАННОСТИ
ЯКУТСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В рамках антропоцентрической парадигмы в центр современного языкознания ставится человек как носитель языка, как представитель определенной культуры. Такая постановка объекта исследования требует нового подхода, иных методов его познания, учитывающих роль человеческого фактора в языке, обуславливающего формирование внутреннего содержания языковых единиц, а также его дешифровку. В данной работе антропоцентрический подход подразумевает принцип изучения человека в языке, а именно человека во фразеологических единицах (ФЕ) якутского языка. Актуальным с точки зрения изучения человека представлен гендерный аспект, предполагающий рассмотрение семантических особенностей номинации мужчины и женщины как гендерных компонентов данных единиц. В исследовании впервые предпринимается попытка выявления среди массива ФЕ тех выражений, которые относятся к гендерной референции, извлеченных из фразеографических и лексикографических словарей якутского языка. Выявлено, что подавляющее большинство ФЕ содержит в качестве компонента номинацию человека – *kuhu*, гендерная идентификация которого поддается только благодаря широкому контексту, поэтому в данной работе интерпретация значений большинства единиц подкрепляется примерами из художественных произведений или из периодических изданий. Сложность прочтения единиц с гендерной семантикой также обусловлена отсутствием грамматической категории рода имен существительных в якутском языке, номинирующих человека. В ходе исследования произведена систематизация гендерно маркированных единиц, выделение компонента, номинирующего лицо мужского и/или женского рода или означающего сферу их занятий, социально-статусного положения, а также определение качественной характеристики, заложенной в образных основаниях данных единиц как знаков, содержащих культурно значимую информацию. Единицы с номинацией *дьахтар* (женщина и сферы ее деятельности), несмотря на их немногочисленность, раскрывают тему нравственности, в основном как нарушение нормы поведения женщины в данном социуме. Во фразеологических единицах с наименованием эр киһи (мужчина и сферы его деятельности) отражены в основном описание его внешней характеристики, а также осуждение проявлений его поведения в социуме.

Ключевые слова: фразеологические единицы, якутский язык, гендер, социокультура, образ человека

Введение

Исследование гендера во фразеологии языков становится перспективным и актуальным на сегодняшний день, вызывает интерес у лингвистов, в работе которых затрагиваются проблемы языкового маркирования гендерных отношений в социокультурном контексте. Фразеологическая номинация женщин и мужчин как проблема современной лингвистики исследуется на стыке междисциплинарных направлений, что позволяет преодолевать определенные трудности при изучении гендерного фактора, на которые указывают О. Б. Абакумова, Н. В. Кирюхина. Таковыми они считают: 1) семантическую осложненность как результат особой вторичной номинации; 2) нейтрализацию грамматической категории рода; 3) особенности согласования внутри синтаксической цепочки; 4) отсутствие четких критериев отбора фразеологизмов для исследования гендерного фактора (Абакумова, Кирюхина, 2019: 50–59).

В данной статье впервые предпринимается попытка переосмысления фразеологических единиц якутского языка, в которых отражается этноспецифическое представление о женщине и мужчине в социуме, в частности, разделение социальных ролей, различия в поведенческих и личностных характеристиках, вовлеченность в сферу выполнения трудовых функций, установление рода занятий (в обществе и семье) и т. д.

Функционально-семантический анализ основывается на широком пласте ФЕ, извлеченных из фразеографических и лексикографических словарей (ЯРФС, БТСЯЯ), контекстуальных примеров из художественных и публицистических источников для выявления семантической дифференциации данных языковых единиц.

Отметим наличие большого количества работ, посвященных лингвистическому исследованию гендера как на материале русского языка (Эмирова, 2002; Ермолаева, 2011), так и на материале разноструктурных языков, выполненных в сравнительно-сопоставительном аспекте, в том числе и в области фразеологии.

Обзор научных публикаций последних лет позволяет сделать вывод о том, что авторы, изучая проблему осмысления гендерного фактора в языке, фокус внимания направляют на выявление социальной значимости обсуждаемой проблематики.

Например, по мнению И. В. Зыковой, особый акцент на современном этапе развития гендерных исследований делается на том, что гендер обусловлен не только и не столько биологически, но и социально и посредством культуры. Гендер является культурно и исторически относительным; его значение, интерпретация и выражение могут быть различными как в рамках одной культуры, так и в разных культурах, выступая в качестве причины исторических изменений языковой системы (Зыкова, 2003: 7).

А. В. Кирилина полагает, что «Термин *гендер* был призван подчеркнуть не природную, а социокультурную причину межполовых различий» (Кирилина, 2005: 8).

В лингвокультурологическом исследовании гендерного стереотипа на материале ФЕ узбекского, казахского и каракалпакского языков Г. М. Исмаилов отмечает, что фразеологизмы в тюркском языкознании всегда являлись объектом изучения с различных (лексико-грамматического, семантического) аспектов, однако до сих пор, по мнению автора, проблема лингвокультурологического изучения гендерного стереотипа остается до конца не исследованной. Автор подмечает наличие фразеологизмов двух типов: общих для референтов обоего пола и связанных с референтами одного пола (Исмаилов, 2017: 85–92).

Говоря о том, что исследование гендерных стереотипов на материале ФЕ получило широкое распространение и является одним из наиболее актуальных направлений в современной лингвистике, К. К. Бораганова обнаружила в кумыкско-русском фразеологическом словаре Н. Э. Гаджихметова лишь 12 ФЕ с ключевыми словами *эр* в значении «мужчина» и *къатын* в значении «женщина» (Бораганова, 2015: 75–182).

Особенности бинарной оппозиции «мужчина – женщина» во фразеологии и паремиологии хакасского языка стали предметом исследования К. А. Покояковой. Автор обращает внимание на андроцентричность хакасского языка, которая отражает преимущественно мужской взгляд и мужское восприятие образов мужчины и женщины. По ее мнению, также не отмечается отрицательных характеристик мужчины в отличие от женщины, которая наделяется такими качествами, как глупость, болтливость, неряшливость, безнравственность (Покоякова, 2015: 304–306).

Человек в пословичной картине мира башкирского языка рассматривается Г. Н. Ягафаровой, в работе которой анализируются языковые средства объективации концепта «Человек», выявляются семантические особенности его применения в башкирском языке. В результате проведенного анализа автор приходит к заключению, что «в пословицах под словом *кеше* чаще подразумевается мужчина, так как патриархальная ортодоксальная башкирская семья главой семьи, а значит основным человеком в доме, всегда считала мужчину» (Ягафарова, 2013: 294–299).

Гендерные стереотипы в хакасских и якутских паремиях рассматриваются в коллективном исследовании А. И. Егоровой, В. Н. Тугужековой, З. Е. Каскараковой, Н. Г. Канзычаковой. Авторы отмечают, что «В паремиях хакасского и якутского народов отражены традиционные семейно-родовые отношения, построенные на андрократических (патриархатных) установках, строгой регламентации гендерных различий, дихотомизации мужского и женского, иерархии статуса мужчин и женщин» (Егорова и др., 2020: 18–31).

В современной лингвистике активно стала разрабатываться проблема описания образа человека по данным языка.

В этом направлении следует отметить серию работ Р. Н. Анисимова, представляющих языковую репрезентацию культурного концепта «человек» на обширном языковом материале (2016, 2018, 2019а, 2019б).

Глубинное содержание многомерной характеристики человека представлено в работе Е. Н. Афанасьевой, в которой актуализируется моделирование образа человека по данным якутского языка (Афанасьева, 2019: 231–242).

Если мы обратимся к ФЕ, то образы данных единиц с компонентом *киһи* «человек» или с его имплицитным (скрытым) значением не поддаются четкой гендерной дифференциации ни по компонентному составу, ни по общему значению. Однако они осознаются носителями данной лингвокультуры, особых сложностей не представляют при интерпретации содержания даже при отсутствии эксплицитно выраженных гендерно значимых признаков, т. е. лексем *эр киһи* (мужчина) и *дьахтар* (женщина) в качестве компонентов единиц.

Гендерная референция в предлагаемой работе устанавливается на структурно-семантическом уровне, что обуславливает определение гендерной маркированности как плана выражения, так и плана содержания образных единиц. Предпринимаемая систематизация фразеологизмов, содержащих в компонентном составе эксплицитную и/или имплицитную номинацию человека, производится с учетом маркеров, характерных для отражения мужской, женской и метагендерной референции.

ФЕ, относящиеся к референту-мужчине

Обозначение лица

Хабды сэмнэбэ устар., эвфемизм (досл. ‘объедки куропатки’) ‘новорожденный мальчик’. Так с рождения называли мальчика, защищая от злых духов, при этом надеясь, что он будет заниматься охотой, а значит, станет кормильцем семьи. Гендерным маркером в данном примере является компонент – наименование *хабды* (куропатка), что связано с охотой, деятельностью, предназначенной для мужчин, а также известно, что данная единица употребляется в целях прикрытого обозначения новорожденного мальчика, будущего охотника.

Фразеологизм *Тимир бэлэс* (досл. ‘железная глотка’, ‘медная глотка’) соотв. ‘голосистый, обладающий способностью громко, долго петь, кричать и т. д.’ тяготеет к единицам с маскулинной семантикой ввиду наличия компонента *тимир* (железо), который соотносится с физической силой мужчин.

Аата, бу киһи, кыра оҕоҕо дылы сири-дойдуну аймаан тугун сүрэй, обургум күүмэйэ да бүппэтэ бэрт ээ, дьэ үчүгэй тимир бэлэс, – диһирэ (С. Новиков). ‘Ну, ты как малое дитя орешь во все горло, что земля трясется’.

Сээркээн Сэһэн фольк. (досл. ‘красноречивый говорун’) соотв. ‘мудрый, всезнающий старик, обладающий талантом красноречивого рассказчика’. *Сээркээн Сэһэн* – собственное имя мудреца, фигурирующего в народном эпосе – олонхо и сказках, который дает советы богатырям, указывает им путь.

Оноолооххо (оноолоох соннооххо) *орооспотох* означает лицо мужского пола ‘не познавший женщины, девственник’ (досл. не имевший связи с одетыми в кафтан с разрезом сзади).

«*Аны оноолоох соннооххо ороһуом суоҕа, биһллээх соннооххо мэгийиэм суоҕа*», – *диэн андабайбытым* (Эрилик Эристиин). ‘Я поклялся, что больше не буду связываться с женщиной’. В основе интерпретации примера лежит образ женщины, одетой в кафтан с разрезом сзади, и женщины в приталенной шубе. Из данного образа складывается представление о женщине в целом, с которой говорящий не будет вступать в связи.

Мужское начало

Степень опытности мужчины прослеживается в следующих примерах, хотя сам деятель явно не выражен, но он распознается содержательно и наличием факультативного компонента (*киһи*), а также устанавливается контекстуально.

Мунна тыллыбыт (тыырыыллыбыт) (киһи) (досл. 'человек с поротыми ноздрями') соотв. 'тертый калач'; 'опытный человек, которого трудно провести'. В старину уголовным преступникам рвали ноздри и на щеках выжигали незаживающие клейма.

Харыйаан эрэйи энгэринэн тэлбитин, муну муннунан тыырбытын барытын биэс тарбах курдук билэр буолан, Киргизэлэй доборун эмиэ да аһына, эмиэ да үтүө дууһалаах киһи диэн хайгыы санаата (А. Бродников). 'То, что друг его Харыйан – человек с жизненным опытом, Григорий знал хорошо, поэтому он его и жалел, и хвалил за его добрую душу'.

Мунхатын хараба кэнгээбит киһи (досл. 'человек, у которого расширились очки невода') соотв. 'видавший виды человек'.

Бу бурдук сытыйытыгар ким да эппиэттээбэт. Ыскылаат сэбиэдиһсэйэ Крылов оччону көрөн баччаба кэлбит, мунхатын хараба кэнгээбит киһи (В. Ойуурускай). 'Никто не отвечает за то, что зерно испортилось. Завскладом Крылов, видавший виды человек, уйдет от ответственности).

Следующая единица выражает положительную оценочность семантики по отношению к мужчине, центральным компонентом является лексема *эр* (мужчина, муж). Обычно так говорят о представителе мужского пола, чтобы указать возраст или выразить восхищение, если он проявил себя с лучшей стороны, иногда с иронией, когда он показал себя как антигерой.

Эр бэрдэ (досл. 'лучший мужчина') соотв. 'смельчак, удалец'; 'добрый молодец'.

Икки эр бэрдин куоракка ыппыттарга аара бандьыттарга түбэспит сурахтара иһилиннэ (А. Аччыгыя). 'Двух смельчаков отправили в город, но вскоре выяснилось, что они попали в руки бандитов'.

Мужская референция выражена через упоминание лексемы *кылыһыт* (спортсмен по прыжкам на одной ноге) в следующем примере, хотя само это слово лишено семы гендерной принадлежности. Однако при восприятии данной единицы доминирует стереотипное представление об образе мужчины, который, будучи уже не молодым, хочет жениться. Обычно так говорят с некоторой долей иронии или даже осуждения, критики по поводу подобного поведения мужчины с возрастными признаками.

Кырдьан баран кылыһыт буолбут (досл. 'состарившись, стал спортсменом по прыжкам на одной ноге (в национальном виде спорта)') соотв. 'состарившись, молодиться; будучи уже пожилым, считать себя молодым'.

– *Бай, ол Сис Сэмэн оҕонньор тоҕо кэллэбэй? Кыыс көрө кээлтэ буолуо ээ. Кырдьан баран кылыһыт буолбут диэбиккэ дылы, оҕонньор ойох ылаары тиийэн эрдэбин (А. Софронов). '– Ну, зачем приехал старик Сис Семен? Наверное, на девок посмотреть. Считает себя еще молодым, раз жениться захотел'.*

Внешность мужчины актуализируются рядом единиц:

В нижеприведенном примере маркер гендера не имеет эксплицитного выражения, но анализ внутренней формы, в которой имплицитно содержится компаративный признак, вызывает ассоциативные представления о мужском образе как физически крепком и сильном человеке.

Ат бөбө, кус быһый киһи (кус быһый, ат бөбө киһи) (досл. 'человек с лошадиной силой, утиной быстротой') соотв. 'очень сильный и быстрый человек'.

Тыгын тойон бастагы уола ат бөбө, кус быһый киһи этэ (Далан). 'Первый сын Тыгына был очень силен и быстр'.

В этом выражении сохранилось древнее значение слова *кус* – «собака». Таким образом, данное сочетание первоначально означало 'сильный, как лошадь; быстрый, как собака, человек'.

Следующая группа выражений употребляется по отношению к мужчине, это подтверждается широким контекстуальным материалом и наличием определенных лексем во внутренней форме (соматизмы), которые указывают на мужской потенциал фразеологизмов.

Унуоҕа кытаатта (досл. 'кость окрепла') соотв. 'физически окрепнуть, возмужать'.

– Эчи, кыһыыта да бэрт... Билингиттэн, сиртэн көстө илигиттэн... эгэ итинтикэн улааттын, унуоҕа кытааттын (С. Омоллоон). ‘– Ну, зло берет... Еще молоко на губах не обсохло... он еще вырастет, еще окрепнет’.

Сиһин этэ сиппит, буутун этэ буспут фольк. (досл. ‘мясо поясницы дозрело, мясо бедра сварилось’) соотв. ‘возмужать, физически окрепнуть’.

Быстар дьадаҥы ыала уоллара Бичин Сэмэн сүүрбэ сааһыгар тиийэн холун этэ хойду-бута, буутун этэ мунгутаабыта, сиһин этэ сиппитэ (Н. Якутской). ‘Сын бедняков – Бичин Семен к своим двадцати годам заметно возмужал, физически окреп’.

Внешность мужчины может быть передана посредством ФЕ *Силиргэх курдук (киһи)* (досл. ‘как корень дерева человек’) соотв. ‘крепкого сложения, невысокий и широкоплечий’.

Уокка туох эрэ буһа турар, ол аттыгар силиргэх курдук хара киһи олорор (Хотугу Сулус). ‘На костре что-то варится, рядом виднеется черный силуэт коренастого человека’.

Во внутренней форме единицы заложен эксплицитный компаративный маркер, который определяет основной принцип гендерной отнесенности, т. е. компонент *силиргэх* (‘корень дерева’) ассоциативно соотносится с номинацией мужского пола, его телосложением.

Среди ФЕ мужской референции обнаруживаются единичные примеры с явно выраженным опорным компонентом с обозначением *эр* (муж) или *эр киһи* (мужчина), что объясняется в основном восполнением лексемой *киһи* денотативного поля мужского пространства.

Эр киһи элээмэтэ (досл. ‘то, что осталось от мужчины’) соотв. ‘постаревший, немощный или еще не достигший зрелости (мальчуган) горе-мужчина, одна видимость’.

Туох эмэ кыра үлэтэ ыйан биэрээр – ааны, түннүгү, баҕар, хотоннун. Эр киһи элээмэтэ буоллаҕым (Н. Габышев). ‘Дай какую-нибудь небольшую работу – дверь, окно, может, коровник. Как-никак, мужчина’.

Мужская деятельность, род занятий

Следующие единицы ориентированы на сферу мужской деятельности, хотя гендерный признак не лежит на поверхности, семантика осложнена непрозрачностью прототипической ситуации, которая требует пояснения экстралингвистического фактора, участвующего в формировании фразеологической номинации.

Салыннаах ытыс (ытыстаах, тарбах, тарбахтаах) (досл. ‘слизистая ладонь (со слизистой ладонью; слизистый палец, со слизистыми пальцами’) соотв. ‘удачливый, везучий охотник, рыбак’.

«– Дьэ, Сэбирдэх салыннаах ытыс, хайаан даҕаны балык баар сирин таба түспүтэ буолуо, төһө собо кытарар», – эгин дэһии элбээтэ (А. Аччыгыйа). ‘«Да, Сэбирдэх – удачливый рыбак, обязательно найдет место для хорошего улова, сколько же он наловит карасей», – начали все весело спорить’.

Саппыйатын маска тэбээтэ (досл. ‘(он) тряс кошелек о дерево’) соотв. ‘ветер свистит в карманах у кого-л.’

Эттэрин-астарын сыыһын чэйгэ, табаахха эргитээри (куоракка) киирэн баран, (хаартылаан-арыгылаан) саппыйаларын маска тэбээбит, кураанах кэлэн кэргэттэрин хомоппут дьон элбэхтэр (Б. Боотур). ‘Много тех, кто, выехав в город поменять жалкий кусок мяса и прочего продукта на чай и табак, возвращался ни с чем, проиграв вырученное в карты или потратив на спиртное’.

ФЕ, относящиеся к референту-женщине

Обозначение лица

Образ женщины передается ассоциативно, исходя из смысла компонентов единицы, относящихся к сфере женского мира: *уһун баттахтаах (суһуохтаах, ырбаахылаах)* (досл. ‘с длинными волосами (косой, платьем’) соотв. ‘женщина’.

– Бэйи-бэйи, – Кирилэ иһиирэн ылла. – Хата мин эйиэхэ уһун баттахтаабы булар дьыаланан дьарыгырыам (Р. Бағатаайыскай). ‘Постой-постой, – присвистнул Кирилл. – Может, я займусь поиском женщины для тебя’.

Данная единица ориентирована на женскую референцию, актуализирует возраст девушки, способствует восприятию стереотипного образа женщины на этом этапе жизни. Обычно так выражают неодобрение, упрек, если девушка проявила себя неподобающим образом в этом возрасте.

Сырбан татай устар. ‘молодица, молодуха, шестнадцати-семнадцатилетняя девушка’ (досл. подвижная, вертлявая).

Социальная роль будущей хозяйки домашнего очага содержится в семантике единицы *кыптыый кыраһына устар.*, эвфемизм (досл. ‘лоскуток от ножниц’) соотв. ‘новорожденная девочка’. Кыптыый ‘ножницы’ в якутской культуре считается знаком девочки. Женщина, хозяйка семейного очага, рукодельница обшивала всех членов семьи, обеспечивала мужа-охотника теплой, удобной одеждой.

В следующем фразеологизме содержится опорный компонент *дьахтар* (женщина), что определяет женскую референцию единицы. Гендерно маркированным будет и слово *чэпчэки* (легкий), которое конкретизирует образ женщины легкого поведения.

Чэпчэки дьахтар (досл. ‘легкая женщина’) соотв. ‘ветреная, легкомысленная женщина’.

(Баһылай:) *Баһылай оҕонньор кийиһтин бэркэ маанылыырын үрдүгэр, бэйэтэ куһаҕан, чэпчэки дьахтар буолан, киһиэхэ иэдэйэн, эриттэн арахсан эрэр үһү дэтэр гына тылы ыыт эрэ...* (А. Софронов). ‘Надо пустить слух, мол, невзирая на заботы старика Василия, невестка его – женщина ветреная, закрутила с другим, уходит от мужа’.

Сырыы дьахтар (досл. женщина-похождение) соотв. ‘распутница’.

Данная единица имеет аналогичное значение, как и предыдущий фразеологизм. Лексема *сырыы* в этом случае выражает приключение, похождение, что иллюстрирует портрет женщины низкой социальной ответственности.

Женское начало репрезентируется рядом фразеологизмов, в которых присутствует компонент *дьахтар* (женщина).

Представление о женщине-хозяйке как о хранительнице очага передается фразеологизмом *тымныы күрдьэхтээх дьахтар устар.* (досл. ‘женщина, у которой холодная лопата’) соотв. ‘женщина, у которой холодная юрта’.

В старину, чтобы пережить длинную холодную зиму и чтобы было более-менее тепло в жилище, женщины-якутки мазали его углы снегом, замоченным в воде.

Про женщину, у которой умирают мужья, говорили: *тымныы хоойдоох дьахтар* (досл. ‘женщина с холодной пазухой’). Данное выражение вступает в оппозицию *тымныы хоойдоох киһи* (досл. ‘человек с холодной пазухой’) соотв. ‘мужчина, у которого умирают жены’.

По представлениям якутов, основное предназначение женщины – выйти замуж и рожать детей. Долго не вступать в брак, сидеть в девках не приветствуется представителями данного лингвокультурного сообщества, о чем свидетельствует наличие ряда фразеологизмов. В них отмечается наличие основного компонента *кыыс* (девушка), который формирует отнесенность к женской референции:

Кыыһынан кырдьыбыт (досл. ‘(она), не став женщиной, постарела’) соотв. ‘старая дева’.

Аны оҕобут эргэ барымына, кыыһынан олорон кырдьара буолуо... (Хотугу Сулус). ‘Дочка наша засидится в девках, однако...’.

Кыыһынан сылдьар (досл. ‘девушка, которая еще не вышла замуж’) соотв. ‘незамужняя женщина’.

Кыыһынан сылдьар кыайар «эй», «ээх» диэн биэриэ диэтэбин дуу (Хотугу Сулус). ‘Согласится ли не согласится на это незамужняя женщина – неизвестно’.

Следующий пример содержит компонент *дяхтар* (женщина) и относится к сфере женской референции, выражает грубое, с оттенком пренебрежительности отношение к женщине, которая никогда не рожала детей. Лексема *байтаһын* по БТСЯЯ имеет значение ‘откормленный, нагулявший за лето жир скот (или кобыла) (обычно для забоя)’ (БТСЯЯ, 2005: 136).

Байтаһын дяхтар унич. (досл. ‘не рожавшая женщина’) *соотв.* ‘женщина, не рожавшая детей (потому не знающая забот о детях)’.

Байтаһын дяхтар оту баҕас мунньуо (Б. Боотур). ‘Не знающая забот легко соберет это сено’.

ФЕ *атабынан эргэ барбыт устар.* (досл. ‘ногами своими замуж вышла’) *соотв.* ‘убежать из родного дома и тайком выйти замуж’ требует интерпретации прототипической ситуации, так как отсутствует основной компонент женской референции.

Вступающие в брак девушка или молодой человек должны были получить благословение родителей, брак без согласия родителей не одобрялся, что подтверждается контекстом:

Бэйэтэ кыыс дяхтар, атабынан баран кырдыаҕас киһиэхэ сэлээннэммитэ (А. Сыромятникова). ‘Девушка сама навязалась пожилому человеку’.

Имеется определенное количество ФЕ, направленных на отрицательную характеристику женщины по ее поведению, хотя в единицах опорный компонент *дяхтар* (женщина) отсутствует, но по выводному значению можно догадаться о приписываемых женщинам качествах (болтливость, нескромность, неприличие в отношениях с мужчиной и т. д.).

Моонньугар иилиһин (ыйана сырыт) (досл. ‘вешаться на шею кому-л.’) ‘усиленно добивается расположения, взаимности, любви’.

Ити кыыс ветеринар уол моонньугар иилистэ сылдьар. ‘Эта девушка добивается взаимности от молодого ветеринара’.

Уһун тыллаах (досл. ‘длинный язык у кого-л.’) *соотв.* языкаястая.

Ити дяхтарга тоҕо кэпсээтинг. *Уһун тыллаах мунутаан сарсын дэриэбинэни толоруо.* ‘Почему рассказываешь этой женщине. Эта языкаястая завтра наполнит всю деревню’.

Как показывает материал, **внешность** эксплицируется всего несколькими фразеологизмами, смысл которых касается внешности женщины с некоторой долей иронии, насмешки:

Кыыс хаана киирбит (досл. ‘вошла ее девичья кровь’) *соотв.* ‘выглядеть гораздо моложе своих лет (о женщинах)’.

Балаҕан аайы баар (досл. ‘имеющийся в каждой юрте’) *соотв.* ‘ничем не примечательный, заурядный, обыкновенный’.

– *Төһө кыраһыабай кыыһы кытта эрийсэрий?*

– *Мин көрдөхпүнэ балаҕан аайы баар* (Хотугу Сулус).

– Девушка, за которой он ухаживает, красивая?

– Мне кажется, она ничем не примечательна, обыкновенная’.

БТСЯЯ фиксирует с компонентом *ыал* вместо *балаҕан* – *ыал аайы баар* (досл. ‘имеющийся в каждой семье’), от такой модификации значение не меняется, *соотв.* ‘ничем не примечательный, заурядный, обыкновенный’ и касается в основном характеристики внешности.

Интергендерные фразеологизмы

Исходя из вышесказанного, кодифицированные ФЕ фразеосемантической группы «человек» условно распределим на фразеосемантические подгруппы, которые можно осмыслить по значению как универсальные, т. е. они рассматриваются понятными как по отношению к мужскому, так и по отношению к женскому миропониманию.

Формы поведения в социуме, отношение к жизни

Отрицательно коннотированным качеством для обоих полов является болтливость:

Айабын кыаммат киһи соотв. ‘невоздержанный на язык, болтливый человек’.

– *Айаххын наһаа кыаммат киһигин. Ити тоҕо сааннын-хайаатын? – диэн сэмэлээтэ* (Р. Кулаковская). ‘– Ты, оказывается, чрезвычайно невоздержан на язык. Ты почему стращаешь-пугаешь?’

Аһаҕас айахтаах (досл. ‘с открытым ртом’) соотв. ‘болтливый человек, болтун; человек, не умеющий хранить тайну; бесструнная балалайка’.

Кырдьыга, Василиса киниэхэ сүбэһит буолар да кыаҕа суоҕа. Хата, ол оннугар, тугу истибитин хаһан да игиннэрбэт буолара, хас билсэр дьахтарын аайы кэпси сылдьар аһаҕас айахтааҕа (Н. Якутская). ‘По правде, Василиса – плохой советчик. Она ничего не пропускала мимо ушей, болтала каждому встречному’.

Безусловно, следует отметить и наличие ФЕ, обладающих имплицитно выраженным потенциалом женских образов. Например:

Сиртэн-буортан тэйбит курдук (досл. ‘словно отскочивший от земли’) соотв. ‘красивый, опрятно, чисто одетый с хорошими манерами, с красивой походкой’ (обычно о девушке).

Ол ыал Маайыс диэн үчүгэй дьүһүннээх, сиртэн-буортан тэйбит курдук ыраас, чэбэр, эргэ барар сааһын сиппит кыыстаахтара (Б. Боотур). ‘У них была дочь Майя, красивая, опрятная, почти невеста’.

Однако, как показывает материал, данная единица обнаруживает себя как ФЕ, которая может употребляться не только по отношению к женщине, но и по отношению к мужчине. Например:

Сиртэн-буортан тэйбит курдук ып-ыраас, кырасыабай диэн бэйэлээх эдэркээн уол тизрэ быластаан сытара (В. Яковлев). ‘Растянувшись, лежал навзничь молодой красивый парень’.

ФЕ *кийииттээбит курдук буол* (досл. ‘быть как невестка’) соотв. ‘испытывать робость, стесняться’, где гендерным маркером выступает компонент *кийиит* ‘невестка’, обозначает лиц не только женского пола, но и мужского, что подтверждает следующий контекст:

Бонифатий оҕонньор урут тылга тиһэр бэйэтэ бу сырыыга хайдах эрэ кийииттээбит курдук буолан кэпсэтиигэ соччо кыттыбакка, тэйиччи соҕус сэрбэллэн олорон, ыһаарыламмыт собону сиэн илибирэтэр (В. Яковлев). ‘Старик Бонифатий, всегда словоохотливый, сидел поодаль молча, как будто испытывал робость, и осторожно принялся за жареного карася’.

Айылҕа биэрбит киһитэ (досл. ‘человек, которому дала природа’) соотв. ‘бог не обидел’.

Тулуурун холкутун чааһынан айылҕа биэрбит киһитэ (Д. Кустуров). ‘От природы стойкий и выдержанный человек’.

Айылгы киһи соотв. ‘обаятельный, очень доброго и спокойного нрава человек’.

(Уолаттар) ийэлэрэ мөбөн убайыктана көрсүбүттэрэ. Ол эрэри ийэлэр барахсаттар кыһырбыт уохтара-кылыннара аастар эрэ, кинилэр саҕа айылгы дьоннор суохтар ини (И. Федосеев). ‘(Ребята) были расстроены после того, как их пожурела мать. Но матери, успокоившись, по обыкновению остаются людьми добрыми’.

Айыы киһитэ (досл. ‘божий человек’) соотв. ‘сердечный, душевный человек’.

Как видно из приведенных примеров, в репрезентации положительных качеств как мужчины, так и женщины в составе компонентов фразеологизмов встречаются лексемы *айылҕа* ‘природа’, *айылгы* ‘нрав’, *айыы* ‘бог’.

Но основная масса единиц все же тяготеет по глубинному оформлению образов к единицам, репрезентирующим мужскую картину мира.

Таким образом, предварительный анализ ФЕ по гендерной дифференциации не обнаружил четкой идентификации, так как основная масса формируется с помощью компонента *киһи*, номинирующего человека вообще или без его включенности в состав единиц.

Если мы обратимся к якутским паремиям, то можем обнаружить единицы с номинациями представителей обоих полов. Об этом более подробно представлено в работе, посвященной исследованию гендерных стереотипов в паремиях хакасов и якутов. Авторы пришли к заключению, что «в паремиях хакасов и якутов достаточно объемно отражено содержание и четко прослеживается скрытая направленность гендерных стереотипов» (Егорова и др., 2020: 18–31). Затрагивая проблему представления о мужском как о норме и стандарте, авторы отмечают среди прочих признаков андроцентризма в языковом сознании и отождествление понятий «человек» и «мужчина» (обозначение этих понятий одним словом), что подтверждается наличием большего количества ФЕ с компонентом *kuhi*, за номинацией которого кроется все же лицо мужского пола.

То, что основная масса таких единиц актуализирует значение мужского пола, отмечает и А. М. Эмирова (Эмирова, 2002: 210–212). По мнению автора, в скрытой форме проявляется андроцентричность языка. Маскулинный уклон семантики автор объясняет исторически сложившейся социальной диссоциацией трудовой деятельности представителей разных полов, а также указывает на влияние лексикографических традиций, когда интерпретация значения слов и фразеологизмов общего рода в словарях обычно осуществляется с помощью синонимичных слов мужского рода или субстантивных словосочетаний со стержневым компонентом «человек», например, травленный волк – человек, испытавший в жизни многие лишения, невзгоды и приобретший опыт, знания.

Относительно якутского языка можно также констатировать факт подобных явлений, когда выводное значение формулируется с помощью лексики *kuhi* ‘человек’ в основном без указания каких-либо гендерных признаков.

Заключение

Основной массив ФЕ якутского языка всем своим компонентным составом и образной составляющей выражает номинацию *kuhi* ‘человек’, что обуславливает задачу решения другой проблемы, а именно рассмотреть семантические особенности номинаций человека в рамках онтологической оппозиции «мужчина – женщина».

Выявлено, что ФЕ якутского языка в основном гендерно не маркированы, гендерная идентификация может быть реализована только в контексте, так как в данных единицах отсутствуют четко выраженные гендерные маркеры, например, собственные имена, нарицательные имена как детерминанты номинации лица. Гендерная идентификация осложняется отсутствием грамматической категории рода у имени существительного, унификацией значения личного местоимения *кيني* (она, он) по отношению как к лицу женского рода, так и к лицу мужского рода, так и к не лицу.

В ходе исследования произведена систематизация всего массива фразеологизмов якутского языка с гендерной маркированностью, определение ключевого компонента *kuhi* ‘человек’ для дальнейшей дешифровки гендерного образа в значении единиц. На семантическом уровне данный массив с компонентом *kuhi* ‘человек’ условно можно разделить на группы: 1) единицы относятся к лицам обоих полов; 2) единицы выражают отнесенность к лицам мужского пола; 3) единицы выражают отношение к лицам женского пола. Отдельно выявлены единицы, содержащие в компонентном составе лексики, содержащие указание на мужчину и/или сферу маскулинного, а также единицы, содержащие лексику, указывающую на женщину и/или сферу фемининного.

Изучение специфики гендерного аспекта во фразеологизмах якутского языка выявило следующее:

- 1) в данных единицах отсутствуют компоненты с именами собственными;

2) в единицах отсутствуют компоненты с маркером – именем нарицательным, в том числе лексем сферы семейно-родственных отношений, наименований женщин и мужчин по социальному статусу и пр.;

3) обнаружены две идиомы, в которых содержатся наименования мифологического и фольклорного персонажей, относящихся к референтам мужского пола.

Таким образом, предпринятое исследование является первой попыткой систематизации и параметризации женской и мужской фразеологической картины мира, что может заставить пересмотреть или посмотреть по-новому на языковые представления женщины и мужчины в данном социокультурном пространстве. В дальнейшем представляется актуальным продолжить исследование массива ФЕ с имплицитно выраженными гендерными маркерами, чтобы определить корреляцию мужской/женской референции для формирования результирующего смысла данных единиц.

Среди ФЕ с номинацией *кыыс* ‘девушка’, *дьахтар* ‘женщина’, а также обозначающих сферы их занятий, нормы поведения, социальный статус представлены в основном единицы, в которых прослеживается тенденция к негативной оценочности.

Список сокращений

досл. – дословно; *соотв.* – соответствует; *у кого-л.* – у кого-либо; *унич.* – уничижительно; *устар.* – устаревшее слово; ФЕ – фразеологическая единица; *фольк.* – фольклор.

Словари

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004–2018.

ЯРФС – Якутско-русский фразеологический словарь / сост. А. Г. Нелунов. Новосибирск, 2002. Т. 1. 287 с.; Т. 2. 420 с.

Литература:

Абакумова О. Б., Кирюхина Н. В. Антропометрические лексемы и структуризация образа мужчины и женщины в современных русских анти-поговорках с гендерным компонентом (на материале паремического дискурса) // Дискурс профессиональной коммуникации. 2019. Т. 1, № 2. С. 50–59.

Анисимов Р. Н. Зооморфные компоненты в составе фразеологизмов, характеризующих человека // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 203–218.

Анисимов Р. Н. Фразеологическая номинация возраста и опыта в якутском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9. Филология. С. 31–42.

Анисимов Р. Н. Лексика ландшафта в составе фразеологизмов якутского языка, характеризующих человека // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2019а. № 3 (71). С. 67–79.

Анисимов Р. Н. Лексемы-мифологемы в составе фразеологизмов якутского языка, характеризующих человека // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019б. № 2 (24). С. 9–19.

Афанасьева Е. Н. Вербализация образа человека в якутском языке // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 231–242.

Бораганова К. К. Гендерные стереотипы кумыков по данным кумыкской фразеологии // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015. № 4. С. 175–182.

Егорова А. И., Туужекова В. Н., Каскаракова З. Е., Канзычакова Н. Г. Гендерные стереотипы в хакасских и якутских паремиях // Урало-алтайские исследования. 2020. № 2 (37). С. 18–31.

Ермолаева М. В. Гендерный аспект русской фразеологии (на материале процессуальных фразеологизмов семантического объединения «социальный статус лица»). Челябинск, 2011. 304 с.

Зыкова И. В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. М.: Едиториал УРСС, 2003. 232 с.

Исмаилов Г. М. Лингвокультурологическое исследование гендерного стереотипа в тюркской фразеологии (на материале узбекского, казахского и каракалпакского языков) // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Вып. 14, № 1. С. 85–92.

Кирилина А. В. Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.

Покаянова К. А. Особенности бинарной оппозиции «мужчина – женщина» во фразеологии и паремии хакасского языка // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 3 (52). С. 304–306.

Эмирова Э. М. Гендер в зеркале русской фразеологии // Культура народов Причерноморья. 2002. № 31. С. 210–212.

Ягафарова Г. Н. Человек в пословичной картине мира башкирского языка // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5 (21). С. 294–299.

Николаева Татьяна Николаевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.

Ул. Белинского, 58, Якутск, 677000.

E-mail: tnikolaeva184@mail.ru

Готовцева Лина Митрофановна.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Ул. Петровского, 1, Якутск, 677027.

E-mail: Lingot@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 26 августа 2023 г.

T. N. Nikolaeva, L. M. Gotovtseva

SOCIO-CULTURAL ASPECT OF GENDER MARKING OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE YAKUT LANGUAGE

In the anthropocentric paradigm, the human being as a native speaker, as a representative of a particular culture, is at the center of modern linguistics. This formulation of the object of research requires a new approach, and other methods of its cognition, which take into account the role of the human factor in language, which determines the formation of the internal content of linguistic units and their decoding. In this work, the anthropocentric approach implies the principle of studying a person in a language, namely a person in the phraseological units of the Yakut language. The aspect of gender is relevant to the study of a person when considering the semantic features of naming men and women as components of phraseological units. The phraseological units of the Yakut language have not yet been studied under the aspect of gender. This work is the first attempt to identify from the set of phraseological units those expressions that contain the names of men/women and which come from the phraseographic and lexicographic dictionaries of the Yakut language. It turns out that a large number of phraseological units contain as a component the naming of the person 'kihi', whose gender identification is possible only based on the broad context, so in this work the interpretation of the values of most of the units is supported by examples from artworks or periodical. The difficulty in reading units with gendered semantics is due to the lack of a grammatical category for the gender of nouns denoting a person in the Yakut language. The study involved a systematization of the gender-marked units, i.e. the component denoting a person of male and/or female gender or marking the domain of their profession or social status, and a definition of the qualitative features established in the figurative bases of these units as signs with culturally significant information. The units labeled diakhtar "woman" and the areas in which they occur, despite their small number, reveal the theme of morality, especially as a violation of the norm for women's behavior in this society. The phraseological units labeled er kihi "man" and the sphere in which he acts mainly reflect the description of his external features as well as the condemnation of the manifestations of his behavior in society.

Keywords: *phraseological units, Yakut language, gender, socio-culture, image of human*

References:

Abakumova O. B., Kirjuhina N. V. Antropometricheskie leksemy i strukturacija obraza muzhchiny i zhenshhiny v sovremennykh russkikh anti-poslovicah s gendernym komponentom (na materiale paremicheskogo diskursa) [Anthropometric lexemes and structuring of the image of a man and a woman in modern Russian anti-proverbs with a gender component (on the basis of paremic discourse)] // Diskurs professional'noj kommunikacii. 2019. Vol. 1, no. 2. P. 50–59 (in Russian).

- Anisimov R. N.** Zoomorfnye komponenty v sostave frazeologizmov, harakterizujushhih cheloveka [Zoomorphic components in the composition of phraseological units that characterize a person] // *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2016. No. 4. P. 203–218 (in Russian).
- Anisimov R. N.** Frazeologicheskaja nominacija vozrasta i opyta v yakutskom yazyke (v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Yuzhnoj Sibiri) [Phraseological nomination of age and experience in the Yakut language (in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia)] // *Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologiya*. 2018. Vol. 17. No. 9. Filologija. P. 31–42 (in Russian).
- Anisimov R. N.** Leksika landshafta v sostave frazeologizmov jakutskogo jazyka, harakterizujushhih cheloveka [The vocabulary of the landscape as part of the Yakut language phraseological units that characterize a person] // *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im.M.K.Ammosova*. 2019a. No. 3 (71). P. 67–79 (in Russian).
- Anisimov R. N.** Leksemy-mifologemy v sostave frazeologizmov jakutskogo jazyka, harakterizujushhih cheloveka [Lexemes-mythologems as part of the Yakut language phraseological units that characterize a person] // *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij*. 2019b. No. 2 (24). P. 9–19 (in Russian).
- Afnas'eva E. N.** Verbalizacija obraza cheloveka v jakutskom jazyke [Verbalization of the human image in the Yakut language] // *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. Novosibirsk. 2019. No. 2. P. 231–242 (in Russian).
- Boraganova K. K.** Gendernye stereotipy kumykov po dannym kumykskoj frazeologii [Gender stereotypes of Kumyks according to the data of Kumyk phraseology] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija*. 2015. No. 4. P. 175–182 (in Russian).
- Egorova A. I., Tuguzhekova V. N., Kaskarakova Z. E., Kanzychakova N. G.** Gendernye stereotipy v hakasskikh i jakutskikh paremijah [Gender stereotypes in Khakass and Yakut paroemias] // *Uralo-altajskie issledovanija*. 2020. No. 2 (37). P. 18–31 (in Russian).
- Ermolaeva M. V.** Gendernyj aspekt ruskoj frazeologii (na materiale processual'nyh frazeologizmov semanticheskogo ob'yedinenija "social'nyj status lica") [Gender aspect of Russian phraseology (based on the material of procedural phraseological units of the semantic association "social status of a person")] / M. V. Ermolaeva. Cheljab. gos. akademiya kul'tury i iskusstv. Chelyabinsk. 2011. 304 p. (in Russian).
- Zykova I. V.** Sposoby konstruirovaniya gendera v anglijskoj frazeologii [Ways of constructing gender in English phraseology]. M.: Editorial URSS. 2003. 232 p. (in Russian).
- Ismailov G. M.** Lingvokul'turologicheskoe issledovanie gendernogo stereotipa v tjurkskoj frazeologii (na materiale uzbekskogo, kazahskogo i karakalpakskogo jazykov) [Linguoculturological study of the gender stereotype in Turkic phraseology (based on the material of the Uzbek, Kazakh and Karakalpak languages)] // *Vestnik RUDN. Serija: Voprosy obrazovanija: jazyki i special'nost'*. 2017. Vol. 14, no. 1. P. 85–92 (in Russian).
- Kirilina A. V.** Gender i jazyk [Gender and language] / Moskovskij gos. lingvisticheskij un-t; Laboratoriya gendernyx issledovanij. M.: Jazyki slavyanskoj kul'tury. 2005. 624 p. (in Russian).
- Pokojakova K. A.** Osobennosti binarnoj oppozicii "muzhchina-zhenshhina" vo frazeologii i paremiologii hakasskogo jazyka [Features of the binary opposition "man-woman" in the phraseology and paremiology of the Khakass language] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*. 2015. No. 3 (52). P. 304–306 (in Russian).
- Jemirova Je. M.** Gender v zerkale ruskoj frazeologii [Gender in the mirror of Russian phraseology] // *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*. Simferopol'. 2002. No. 31. P. 210–212 (in Russian).
- Jagafarova G. N.** Chelovek v poslovichnoj kartine mira bashkirskogo jazyka [Man in the proverbial picture of the Bashkir worldlanguage] // *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2013. No. 5 (21). P. 294–299 (in Russian).

Nikolaeva Tatyana Nikolaevna.

Ph.D. in Philology, Associate Professor of German Department.

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Belinsky str., 58, Yakutsk, Russia, 677000.

E-mail: tnikolaeva184@mail.ru

Gotovtseva Lina Mitrofanovna.

Ph.D. in Philology, Senior Researcher Lexicology of Yakut Language Department.

Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the RAS.

Petrovsky str., 1, Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: Lingot@rambler.ru